

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Сара М. Андерсон

СВИДАНИЕ
У ОЗЕРА МИЧИГАН

327

Содлазн

 HARLEQUIN®

Соблазн – Harlequin

Сара Андерсон

Свидание у озера Мичиган

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Андерсон С. М.

Свидание у озера Мичиган / С. М. Андерсон —
«Центрполиграф», 2019 — (Соблазн – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08777-5

В одну неделю Джинни Кауфман осталась без работы и без денег, но с ребенком своей покойной сестры на руках. Все, что ей оставалось, – это загадать желание на падающую звезду. Желания начали исполняться уже на следующий день.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08777-5

© Андерсон С. М., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сара М. Андерсон

Свидание у озера Мичиган

Seduction on His Terms

© 2019 by Sarah M. Anderson

«Свидание у озера Мичиган»

© «Центрполиграф», 2019

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

Глава 1

– Добрый вечер, доктор Уайетт, – сказала Джинни Кауфман.

Высокий темноволосый мужчина занял свое обычное место в самом конце барной стойки.

– Привет, – ответил он, как всегда, сдержанно, но сегодня Джинни уловила в его голосе какую-то нервозность.

Доктор Роберт Уайетт вообще был сдержанным человеком, что до некоторой степени объяснялось повышенным вниманием, которым он всегда был окружен. Его семья владела «Уайетт медикал индастриз», а сам он входил в пятерку самых желанных холостяков Чикаго, и вовсе не благодаря состоянию своей семьи. Но небеса не ограничили список своих благодетелей красотой и богатством и сделали его еще и гениальным детским кардиохирургом.

Словом, этот человек был слишком хорош, чтобы быть настоящим, и Джинни терпеливо ждала, когда из-под безупречной оболочки выглянет его коварная сущность, ну или хоть какой-нибудь маленький изъян.

В баре «Трентон» хватало богатых и красивых завсегдатаев, которые при этом были, на взгляд Джинни, полными придурками.

Но про доктора Уайетта она такого сказать не могла.

Да, он был очень сдержанным, холодным, бесстрастным, раздражающе требовательным и маниакально педантичным, иногда резким. Но, насколько понимала Джинни, именно эти качества и сделали его гениальным хирургом.

Он приходил в бар пять раз в неделю ровно в восемь, садился на одно и то же место, одергивал манжеты рубашки так, чтобы они выглядывали из-под рукавов пиджака ровно на два сантиметра (он делал это до странности часто), и заказывал один и тот же коктейль. Он всегда оставлял Джинни сто долларов, и всегда – двадцатидолларовыми купюрами, которые клал на стойку неправдоподобно ровной стопкой. Он никогда не заговаривал ни с кем из гостей или obsługi и никогда не откликался, если заговаривали с ним.

Прежде чем он успел одернуть свои манжеты, Джинни поставила перед ним коктейльную рюмку с «Манхэттенom».

Уже три года пять раз в неделю она делала для него этот коктейль. В него входил второй по цене ржаной виски (только потому, что самый дорогой нравился доктору Уайетту меньше), вермут, который Джинни заказывала из Италии исключительно для него, и пара капель биттера¹ ценою сто долларов за бутылку. Все это она смешивала в точной пропорции и подавала с тонкой спиралью лимонной кожуры. Чтобы прийти к этому идеальному для доктора Уайетта рецепту, ей понадобилось почти восемь месяцев экспериментов с марками алкоголя и пропорциями.

Но это того стоило.

Каждый раз, когда он делал первый глоток ее «Манхэттена», Джинни затаивала дыхание. Доктор Роберт Уайетт никогда не проявлял эмоций, не старался казаться милым. Но когда он делал первый глоток ее коктейля, а потом ставил рюмку на стойку...

Он улыбался.

Правда, сторонний наблюдатель вряд ли счел бы это улыбкой – это было всего лишь легкое подрагивание углов рта. Но она знала его достаточно хорошо, чтобы понимать: едва заметный изгиб губ и искорки тепла в ледяных голубых глазах означали то же, как если бы обычный человек прыгал и вопил от радости.

Доктор Уайетт поднял на нее глаза и негромко сказал:

¹ Биттер – крепкий алкогольный напиток с горьким вкусом. 6

– Отлично.

Джинни чуть в обморок не свалилась от неожиданности – это был первый комплимент за три года, который она от него услышала.

Она с интересом посмотрела на него. У нее было твердое правило: она не спит с клиентами. Но Джинни давно решила, что если когда-либо нарушит его, то именно ради доктора Роберта Уайетта.

К сожалению, он приходил сюда, только чтобы выпить после рабочего дня.

Джинни любила дамские романы, и все эти три года, что доктор Уайетт приходил в «Трентон», она представляла себе, что он благородный герцог, которому наскучили балы, охота и прочие герцогские штучки, поэтому он инкогнито покидает свой замок и, никем не признанный, ходит по окрестным тавернам. В таких историях всегда была какая-нибудь горничная или даже официантка, которая в конце концов согревала его сердце и открывала ему мир любви.

Джинни улыбнулась этим фантазиям. Она налила скотч парню на другом конце стойки и два бокала вина, которые официант понес на дальний столик, но ее внимание было по-прежнему приковано к доктору Уайетту. Она должна сообщить ему плохую новость – на следующей неделе ее не будет. Она взяла отпуск, чтобы помочь своей сестре Николь, которая вот-вот должна была родить.

У нее никого не было, кроме сестры. Джинни никогда не видела своего отца – он ушел из семьи еще до ее рождения. Мама умерла, когда ей было десять.

Джинни мотнула головой. Не важно, какие ошибки они с Николь совершали в прошлом. Важно то, что теперь они все простили друг другу и готовы еще раз попробовать стать семьей. Они обе искренне надеялись, что Мелисса (так они собирались назвать девочку) научит их тому, чему никто не научил их прежде, – быть семьей. И теперь Джинни готова была ухаживать за сестрой, как та ухаживала за ней, когда их мама умерла, и девочки остались одни на целом свете.

Только теперь, когда ей было двадцать шесть, Джинни могла оценить, скольким Николь тогда пожертвовала ради нее. И теперь Джинни чувствовала, что должна вернуть долг. Она даже готова была переехать к Николь в дом их родителей, но та отказалась, и слава богу. Бог знает, как совместное проживание отразилось бы на их только-только налажившихся отношениях. Поэтому они решили, что Джинни продолжит работать в баре «Трентон», но каждый день будет приезжать к сестре, чтобы помочь ей по хозяйству и посидеть с ребенком. Может, она и не лучшая сестра в мире, но твердо намерена стать лучшей в мире тетей.

Единственная помеха этим благим намерениям сидела сейчас перед ней.

Доктор Уайетт не любил перемены. И не любил разговоры. Поэтому Джинни чуть не выронила бокал, когда он неожиданно заговорил:

– Сегодня...

Она терпеливо ждала, надраивая и без того чистый бокал и не говоря ни слова, чтобы не спугнуть момент.

Что у него случилось? Пациент умер? Джинни знала, что за три года их знакомства он потерял только двух пациентов, и видела, как тяжело доктор Уайетт перенес смерть этих детей.

Когда это случилось в последний раз, она полчаса рыдала в дамской комнате после его ухода. Хотя он даже ничего не сказал ей. Но она видела, насколько он потрясен. Доктор Уайетт напоминал ей море под толстой коркой льда. Когда он терял пациента, это море бушевало.

– Сегодня я кое-что узнал, – сказал он наконец.

Он снова умолк, поправил свои манжеты и сделал глоток коктейля.

Джинни очень хотел проверить свой телефон – нет ли новых сообщений от Николь, но не решалась.

Доктор Уайетт еще раз одернул манжеты и кашлянул.

– Мне сообщили, что мой отец хочет баллотироваться на пост губернатора.

Джинни подумала, что сегодня точно вечер сюрпризов, потому что он никогда прежде ничего не говорил о своей семье.

– О... – осторожно сказала она.

– Да, – быстро ответил доктор Уайетт.

Эта скорость в сочетании с горечью в его голосе означала только одно: это была паршивая новость.

Джинни работала в баре «Трентон» с того самого дня, как ей исполнилось восемнадцать, то есть за три года до того, как ей разрешено было подавать алкоголь. Но она отчаянно желала вырваться от Николь, которая хотела, чтобы Джинни пошла по ее стопам и стала учителем в колледже. Желание сестры работать барменом, а тем более завести когда-нибудь свой собственный бар, приводило Николь в ужас. Она заявила, что не допустит этого, и Джинни хлопнула дверью. Она солгала о своем возрасте и напросилась ученицей к бармену «Трентона». Наливая вино, виски, коктейли бесчисленным мужчинам и женщинам, которые изливали ей душу, она многое узнала о жизни. «Трентон» был ее университетом, и вряд ли какой другой университет мог дать ей такой опыт.

Но у нее никогда не было такого клиента, как доктор Роберт Уайетт.

Он допил свой коктейль двумя глотками и опустил рюмку на стойку с такой силой, что Джинни удивилась, как она не треснула.

– Дело в том, что, если он это сделает, мы должны будем все время быть рядом с ним, изображая счастливую семью.

Вытерев руки, она облокотилась на стойку. Она не знала, что сказать, а притворяться не хотелось, поэтому она только ответила:

– Похоже, это проблема.

– Вы даже не представляете себе какая, – пробормотал он, что было еще одним тревожным признаком, потому что вообще-то доктор Уайетт не бормотал.

Джинни присмотрелась к нему повнимательнее.

Сегодня на нем был серый костюм-тройка (это был единственный человек, носивший жилет, которого Джинни встречала в своей жизни), запонки с небольшими сапфирами (он предпочитал в одежде синие тона) и галстук в сине-оранжевую полоску. В этом году сентябрь в Чикаго выдался на удивление теплым, лето не хотело отступать, но, судя по костюму, доктор Роберт Уайетт не снисходил до потоотделения. Галстук был немного ослаблен, будто он его дернул. Волосы слегка растрепались, но ему это шло, потому что ему все шло. Плечи опущены, а морщинка между бровями была немного глубже, чем обычно. Выглядел он так, будто мир всей тяжестью лег ему на плечи.

Джинни было больно видеть его таким.

Если бы это был какой-то другой мужчина, любой другой клиент, она бы просто обняла его, как обычно делала в таких случаях. Но она видела, как доктор Уайетт вздрагивал, когда к нему прикасаются.

– Тогда, может быть, не стоит? – осторожно сказала она.

– Я должен. – Он снова нервно дернул манжеты. – У меня нет выбора.

– Разве? – невольно спросила Джинни. Она поняла, что оплошала, и именно поэтому (что теперь терять?) решила продолжить: – Как у вас может не быть выбора? Если вы решите купить пол-Чикаго и устроить здесь национальный заповедник – вы сможете себе это позволить. Если вы откроете собственную больницу, и туда будут пускать только в синих париках – к вам будет стоять синеволосая очередь. Вы можете идти куда угодно, делать что угодно, быть кем угодно, потому что вы доктор Роберт Уайетт.

Все потому, что у него есть внешность, деньги и власть.

Все то, чего у Джинни никогда не было.

Он холодно посмотрел на нее, открыл рот, но, ничего не сказав, встал, кинул на стойку несколько купюр и пошел к выходу.

– Доктор Уайетт! Подождите!

Он не обернулся, поэтому Джинни крикнула:

– Роберт!

Это сработало.

Доктор Уайетт застыл.

Потом повернулся.

Джинни вздрогнула от неприкрытого ледяного негодования, написанного у него на лице. Он злился, что она назвала его по имени? Или что осмелилась ему возражать? Не имеет значения. Она привыкла к агрессии посетителей и умела ей противостоять.

Она посмотрела прямо в его гневные глаза и спокойно сказала:

– На следующей неделе меня не будет. Беру небольшой отпуск по семейным обстоятельствам.

Доктор Уайетт помедлил, потом вернулся к стойке, глядя на нее со странным выражением, которое Джинни истолковала как беспокойство.

– Небольшой – это сколько?

– Всего неделя. Я вернусь в следующий понедельник.

Можно подумать, у него жизнь рухнет, если она не будет стоять тут по вечерам в полной готовности сделать идеальный «Манхэттен» идеальному мужчине!

Роберт одернул манжеты.

– Хорошо, – небрежно бросил он. И ушел.

Джинни смотрела ему вслед, не зная, как истолковать его поведение, но в этот момент завибрировал ее телефон.

«Началось», – написала Николь.

– Я побежала! – крикнула Джинни официантам, схватила сумку и кинулась к дверям.

Доктору Уайетту придется подождать.

У нее будет племянница!

Глава 2

Джинни должна была сегодня вернуться на работу.

Всю прошлую неделю Роберт не ходил в «Трентон», зная, что ее там не будет, и это нарушение ежедневного ритуала его очень нервировало. Всю неделю он подолгу засиживался в больнице, предпочитая десятый раз перечитывать истории болезней, лишь бы не думать о Лэндоне Уайетте и его политической кампании.

Но сегодня наконец был понедельник, и Джинни смешает ему его «Манхэттен».

Ему не хватало этого всю неделю.

Зазвонил телефон.

– Бобби?

Роберт застыл с трубкой в руке. Этого не может быть...

Но никто другой не называл его Бобби.

– Мама?

– Привет, дорогой, – раздался в телефоне слабый голос Сибилл Уайетт. Роберту показалось, что его ударили под дых.

Прошло почти три года с тех пор, как они разговаривали в последний раз. Он быстро зашел в первый попавшийся кабинет и плотно закрыл за собой дверь.

– Мама! Ты можешь говорить? Ты на громкой связи?

– Милый, – продолжала она, и Роберт слышал, как дрожит ее голос. – Тебе звонил Александр?

Значит, ее слушают. Александр был помощником Лэндона, блюдолизом и подхалимом.

– Да. Он сказал, что Лэндон хочет баллотироваться на пост губернатора.

Ужасная идея для всех – для семьи, для штата, для страны. Роберт знал, что единственная причина, по которой Лэндон Уайетт хочет получить этот пост, – из кресла губернатора удобнее грести деньги.

– Твой отец хочет, чтобы ты его поддержал. Мы оба этого хотим, – поправились она, будто они действительно были одной счастливой семьей, и это не была всего лишь ложь, предназначенная для газет.

Роберту захотелось что-нибудь разнести в щепки.

– Мама, ты на громкой связи?

Она неестественно засмеялась:

– Конечно нет. Все в порядке, дорогой.

Кажется, она действительно не была на громкой связи. Значит, Лэндон сидел рядом и следил за ней своими холодными, колючими, льдистыми глазами – глазами, который Роберт каждое утро видел в зеркале.

– Чем тебе помочь, мама? Я хочу забрать тебя от него.

– Через две недели у нас торжественный прием, посвященный началу предвыборной кампании. – Ее голос дрогнул, но она продолжала: – Это в художественной галерее Уинстона на Великолепной Миле². Мы с твоим отцом очень хотим видеть тебя там.

Роберт не сомневался, что мать хочет его видеть. Но для Лэндона это был всего лишь способ контролировать сына, а Роберт поклялся, что никогда не даст отцу такой власти над собой, даже если это будет стоить ему взаимоотношений с матерью.

– Скажи мне, что я могу сделать, чтобы помочь тебе, мама?

Короткая пауза.

² Великолепная Милля – одна из самых знаменитых торговых улиц в мире, на которой находится множество магазинов, торговых центров, ресторанов, отелей и достопримечательностей Чикаго.

– Мы тоже скучаем по тебе.

Проклятье. Он не хотел притворяться счастливым ни в семейном кругу, ни перед журналистами, но знал, что, если не приедет, Лэндон отыграется на жене.

Так же, как всегда.

Роберт не мог этого допустить. Из всех мерзостей, которые делал Лэндон Уайетт, самой мерзкой была его манера шантажировать сына, угрожая жене.

– Подумай о том, что я сказал, хорошо? Обсудим это в галерее.

Она выдохнула.

– Это прекрасно, дорогой. Начало в семь, но мы бы хотели, чтобы ты пришел туда пораньше. Твой отец хочет убедиться, что у нас нет разногласий.

Роберт чуть не взвыл. Это уже была явная угроза.

– Я постараюсь. Надо проверить расписание. Мама, я хочу увезти тебя от него. Ты поедешь со мной?

Потому что после того, что случилось в прошлый раз...

– Спасибо, Бобби, – сказала она, и он всей душой надеялся, что это означает согласие. – Я... мы не можем дожидаться, когда встретимся с тобой.

– Я тоже, мама. Я люблю тебя.

Она не ответила. В трубке пошли гудки.

Роберт долго невидящими глазами смотрел прямо перед собой.

Это было именно то, чего он боялся. Лэндон собирается манипулировать сыном, заставляя его работать на свой имидж. Он собирается выставить Роберта перед телефонами и избирателями. Он будет требовать, чтобы Роберт произносил написанные его шавками речи и расхваливал отца. А если Роберт откажется...

Тогда неизвестно, увидит ли он когда-нибудь свою мать.

Он должен остановить отца. Должен быть какой-то способ.

«Вы можете делать все, что угодно, потому что вы доктор Роберт Уайетт», – сказала ему Джинни.

Может быть, она была права.

Теперь, как никогда, ему нужно было выпить.

– Ну? – протянул он своим бархатным голосом.

Когда-то Сибилл казалось, что у Лэндона Уайетта самый соблазнительный голос в мире.

Это было давно. Она едва могла вспомнить то время, когда была наивной студенткой, очарованной шикарным мужчиной на пятнадцать лет старше ее.

С тех пор она расплывается за эту ошибку.

– Он придет.

Лэндон слегка приподнял левую бровь – это означало, что он недоволен ответом.

– Он постарается прийти пораньше, если дела позволят, – добавила она, надеясь, что Лэндон оставит ее в покое.

Она впервые за три года услышала голос своего сына. Он сказал, что хочет увезти ее.

Она скучала по нему и надеялась, что хоть он был счастлив. Бобби стал хорошим человеком, блестящим хирургом. Лэндон ревновал к успеху сына, и это доходило до ненависти.

Если кто-то и мог пережить Лэндона Уайетта, это был его собственный сын.

В ее онемевшем иссохшем сердце зашевелилось какое-то давно позабытое чувство. Кажется, это была надежда. Что, если у Бобби действительно получится?

Но Лэндон никогда не отпустит ее.

Словно прочитав ее мысли, он подошел к ней и погладил ее по голове. Они прожили вместе тридцать пять лет, но Сибилл до сих пор приходилось собирать всю свою волю, чтобы не вздрагивать от его прикосновений.

– Я знаю, что ты скучаешь по нему, – сочувственно сказал Лэндон, будто бы не он не давал им видеться. Его рука, которая казалась ей чугунной, снова прошла по ее голове от макушки до шеи. – Поэтому я очень, очень надеюсь, что он придет. Ведь он придет, милая?

– Конечно, – подтвердила Сибилл, съезживаясь всем телом.

Она каждый день благодарила Бога за то, что Бобби ушел. Если бы он тоже был с ней в этой ловушке, в этом аду, ей было бы еще тяжелее. Она, кажется, только тем и жила, что представляла его там, на свободе, – он спасает детей, у него есть друзья, может быть, он встречается с хорошей девушкой и, наверное, счастлив... Только эти мысли и скрашивали ее жизнь.

Она посмотрела на мужчину, за которого вышла замуж, и улыбнулась. Улыбнулась, потому что он не только держал ее в клетке, но и требовал, чтобы она делала вид, что счастлива в этой пародии на семейную жизнь. Но однажды у нее просто не хватит сил на притворство. И может быть, уже совсем скоро.

– Мистер Уайетт? – раздался сладкий голос Александра. – Я прошу прощения, но глава вашего предвыборного штаба на линии.

– И что теперь? – рявкнул Лэндон, отпуская ее.

Она не хотела, чтобы Бобби втягивали в этот мир, чтобы Лэндон шантажировал сына ею.

Она вспомнила слова Бобби, его готовность противостоять отцу...

Возможно, скоро ей не придется больше все это терпеть.

Она должна быть готова.

Но сумеет ли он убедить мать сбежать с ним?

В прошлый раз все прошло... неважно.

На этот раз ему нужен более продуманный план.

На этот раз Роберту нужно быть уверенным, что он спрятал мать так, что отец не сумеет ее найти.

В прошлый раз он увез мать в свой собственный дом, это было ошибкой, запасного варианта у него не было, и весь побег кончился крахом.

На этот раз все будет по-другому.

Уайетты не проигрывают. Уайетты – победители.

Он вошел в «Трентон» в пять минут восьмого. Слава богу, Джинни сегодня должна быть за стойкой. Понятно, что он не может рассказать ей всего, но само ее присутствие как-то успокаивало. Хоть что-то в его жизни было надежно и стабильно – семь часов, бар «Трентон», идеальный коктейль и девушка с большими карими глазами, с которой можно так хорошо помолчать, а иногда и поговорить. Можно, например, просто, ничего не объясняя, спросить ее, что она думает о Новой Зеландии. Более далекого места для того, чтобы спрятать свою мать, он не мог придумать.

Мягкий женский голос промурлыкал:

– Добрый вечер, доктор Уайетт. Что вам предложить?

Роберт вздрогнул от незнакомого голоса. В полутьме бара он не сразу нашел говорившую.

Женщина за барной стойкой точно была не Джинни. Эта была ниже ростом, с длинными светлыми волосами, скрученными на макушке в растрепанный пучок.

– Где Джинни? – спросил он без предисловий.

Понедельник. Она должна была быть здесь.

Женщина за барной стойкой кокетливо прищурилась.

– Меня зовут Миранда. Джинни в отпуске. И я буду счастлива обслуживать вас, пока ее нет.

Роберт злобно посмотрел на нее. Джинни говорила об одной неделе. Она обещала. У него возникло чувство, что все в его жизни рушилось, рассыпалось на части, выходило из-под контроля. А у Уайеттов была мания контроля.

Мир начал терять краски, все вокруг становилось серым и плоским. Роберт почувствовал приближение приступа ярости и понимал, что ему лучше уйти отсюда, пока он еще в состоянии держать себя в руках. Но он не мог, потому что его отец шантажирует его, его мать в опасности, и он ничего не может с этим поделать, но, черт возьми, он, по крайней мере, хочет получить правильный коктейль! И чтобы приготовил его правильный бармен!

– Она не должна быть в отпуске. Где она? – Он изо всех сил старался не повышать голоса. – Поверьте, вам лучше сказать.

Кокетливая улыбка сползла с лица блондинки, и она отступила на шаг.

– Ее здесь нет, – пробормотала она.

Он не хотел пугать девчонку. Поэтому, вместо того чтобы сделать то, что сделал бы Лэндон на его месте, он стал поправлять свои манжеты. Это всегда помогало ему успокоиться и давало возможность выиграть пару секунд.

Он внимательно посмотрел на блондинку. Она выдержала его взгляд, но, совершенно очевидно, была перепугана не на шутку. Толку от нее будет мало.

– Я бы хотел поговорить с владельцем. Пожалуйста.

Девочка впала в ступор и не двигалась.

В его голове ревел голос Лэндона: «Уайетты не просят! Уайетты приказывают!», и он не мог его перебороть.

– Живо! – рявкнул Роберт.

Блондинка сорвалась с места и убежала. Роберт оглянулся по сторонам и поморщился. Было как-то непривычно у этой стойки, если на другой ее стороне нет Джинни. Как-то неуютно. Будто не дома.

Это была смешная мысль, потому что в этом баре он проводил общим счетом не больше двух часов в неделю. Это ведь не был его особняк с таким видом на озеро Мичиган, что за один этот вид пришлось выложить несколько миллионов. Это не был монструозный особняк Уайеттов, в котором он вырос. Это вообще не был дом, тем более когда за стойкой не стояла Джинни. Это был просто бар, в который он забрел около трех лет назад и попросил коктейль, потому что ему было очень паршиво.

Тогда она стояла перед ним и слушала его, точнее, слушала его молчание, пока он пытался привести мысли в порядок, после того как Лэндон явился в его дом и потребовал, чтобы Сибилл пошла с ним, а та была настолько напугана, что не стала возражать. Тогда, точно так же, как сегодня, все в тщательно простроенном мире Роберта Уайетта рушилось, превращалось в тусклый серый пейзаж. И ему хотелось выпить. Сейчас, вспоминая тот день, он гадал, как долго Джинни просто стояла перед ним, не задавая ни одного вопроса, пока он сидел, забыв, где он, забыв заказать выпивку, ради которой пришел. Да, с ней можно было помолчать. И поговорить.

Где же она?

Она сказала, что будет через неделю. Она сказала, что у нее «семейные обстоятельства». Она не вернулась в срок, значит, ее семейные проблемы оказались сложнее, чем она рассчитывала. У нее что-то случилось.

Блондинка вернулась с человеком, который выглядел смутно знакомым.

– Доктор Уайетт, как всегда, рады вас видеть. Чем я могу помочь?

У Роберта кончилось терпение.

– Кто вы?

– Джулиан Симмонс, – сказал человек таким тоном, будто Роберт должен был его помнить. – Я – хозяин «Трентона». Вы один из наших самых дорогих гостей, так что, если я могу чем-то...

– Где Джинни? – оборвал его Роберт.

– Джинни взяла отпуск.

– С ней все в порядке?

Симмонс не ответил. Так и есть, с ней что-то случилось.

– С Джинни все нормально, – наконец сказал Симмонс. – Мы надеемся, что она вернется к нам через несколько недель. Я знаю, она – ваша любимица, но Миранда...

– Как ее найти?

– Доктор Уайетт, извините, но...

Прежде чем он осознал, что делает, Роберт перегнулся через стойку и схватил Симмонса за ворот рубашки.

«Уайеттам никто не отказывает!» – рычал голос отца в его голове. А может, он слышал не голос отца, а свой собственный. Кажется, он сказал это вслух. Блондинка пискнула.

– Доктор Уайетт, – пыхтел Симмонс. – Это какое-то недоразумение.

Роберт опомнился и отпустил его. Надо было не пугать, а заинтересовывать. Он перевел дух и как можно спокойнее спросил:

– Сколько?

– Чего?

– Сколько? – повторил Роберт. – Простите, что я напугал вас и вашу барменшу, я не хотел этого. Я бы хотел загладить свою вину. Сколько?

Симмонс уставился на него, разинув рот.

– Тысяча вас устроит?

– Долларов? – выдохнул Симмонс.

– Скажем, две тысячи.

В конце концов, у каждого есть своя цена. Если у Джинни были проблемы, он должен ей помочь. Но для этого надо сначала выяснить, где она. Если Симмонс откажется от денег, у Роберта есть другие способы, но это займет больше времени.

Симмонс вытер пот со лба и достал свой бумажник.

– Вы хоть понимаете, что предлагаете мне нарушить закон?

– Вы хоть понимаете, что мне плевать? – отозвался Уайетт.

Понятно, что, когда речь шла, например, о насилии или убийстве, Роберт уважал законы. А в остальных случаях... Он был Уайеттом. Деньги открывали все двери.

Симмонс тоже это знал.

– Вы можете поклясться, что не навредите ей?

– Да я ее и пальцем не трону.

«Если она сама этого не захочет», – промелькнула у него в голове странная мысль.

Симмонс сдался.

– У нее проблемы в семье. Я дам вам адрес.

Глава 3

Джинни обессиленно опустили на бетонную ступеньку перед домом Николь, слишком уставшая, чтобы плакать.

Нет, неправильно. Теперь это ее дом.

Николь мертва.

И так как у них никого не было, Джинни унаследовала все, что принадлежало Николь. Включая дом их детства.

Все теперь ее. Подержанный седан. Огромные счета из клиники. Счета за похороны. Сожаления и угрызения совести.

Ребенок.

Смерть – это ужасно, это все знают. Но никто не предупреждал Джинни, что смерть настолько сложна. И разорительна. Кто знал, что на ней вдруг повиснет столько долгов?

Это не считая Мелиссы. Девочке было всего несколько дней. Как несправедливо, что она никогда не увидит свою мать. Как несправедливо, что семья, о которой Николь столько мечтала...

Джинни потеряла лицо. Мелисса не виновата, что роды были сложными, что у Николь образовался тромб, который не заметили. Джинни догадывалась, что ей нужно подать в суд на больницу. Это же девятнадцатый век, сегодня женщины не умирают родами. Но Джинни даже представить себе не могла, что ей придется сейчас заниматься еще и иском.

Она и с текущими проблемами не знала, как справиться.

Она посмотрела на небо, надеясь увидеть падающую звезду и загадать желание. Но это Чикаго. Огни города засвечивали небо, и ни одной звезды она не смогла найти в белесой дымке.

Она бы хотела вернуться на работу и готовить идеальный «Манхэттен» для идеального доктора Роберта Уайетта, благодаря экстравагантным привычкам которого у нее водились кое-какие деньги. Сто баксов каждый вечер, пять вечеров в неделю, почти три года – доктор Уайетт позволял Джинни не задумываться о деньгах.

Но теперь, когда у нее был ребенок и куча счетов, ей, кажется, придется думать только о деньгах.

Ей повезет, если за ней оставят ее место в «Трентоне», но она даже не знает, когда сможет туда вернуться. Джулиан подождет еще неделю, максимум две, но Джинни понимала, что он не сможет ждать ее два месяца. А поискав в Интернете, Джинни нашла только ясли, куда брали младенцев не младше полутора месяцев, а цена была настолько запредельной, что ей ничего не оставалось, кроме как рассмеяться и закрыть браузер. Если она собирается отдать Мелиссу в ясли, когда та подрастет, то ей нужна куча денег. А денег не было. Даже если она подаст в суд на больницу, продаст дом и даже раздолбанный седан – это все займет много времени.

В белесом небе промелькнула какая-то вспышка. Вероятно, это был просто самолет, но она не могла рисковать. Она закрыла глаза и быстро прошептала: «Звездочка, звездочка, я хочу...»

Она хотела, чтобы ее сестра была жива, но это невозможно. А желание надо было загадывать быстро.

– Мне нужна помощь, – прошептала Джинни в отчаянии.

Финансовая помощь, помощь с ребенком, эмоциональная поддержка, она не успела бы все это сказать, но все это было ей нужно.

В доме заплакала Мелисса. Джинни уронила голову на руки. Ей нужно было еще немного подумать, но...

Мелисса плакала почти все время.

Это так и должно быть? Или у нее что-то болит? Или она плачет, потому что мамы нет рядом? Что делать? Звонить в скорую помощь? Звонить педиатру в госпиталь, где рожала Николь? Было почти десять вечера. Если кто-нибудь и ответит, они наверняка предложат ей вызывать скорую.

Джинни совсем ничего не знала о грудных детях, разве что то, что успела прочитав в Интернете. Она даже не была уверена, что подгузники правильно надевает.

– Пожалуйста, – прошептала она, но крики Мелиссы стали только громче.

Джинни уговаривала себя встать и идти в дом, но у нее не было сил. Она еще только секундочку посидит и пойдет...

В тишине переулочка раздался шорох шин, затем звук захлопнувшейся двери. Джинни оглянулась. Не по-здешнему роскошный автомобиль остановился на углу. Невысокий человек в форменном пиджаке открыл заднюю дверь, и из машины вышел мужчина.

Не просто мужчина.

Доктор Роберт Уайетт. Ее любимый клиент. Джинни застыла на месте, с раскрытым ртом глядя, как он быстро идет к ее дому.

– С вами все в порядке? – Это был даже не вопрос, а требование ответа.

Доктор Уайетт подошел к ней вплотную и навис над ней, заслоняя беззвездное небо. Джинни пришлось запрокинуть голову.

– Что вы здесь делаете?

Но первая ее мысль была о том, что она сидит перед ним потная, немытая-нечасаная, и вся ее рубашка в пятнах, о происхождении которых лучше не вспоминать.

Его не должно тут быть.

Но он был.

– С вами все в порядке? – повторил он.

Джинни вскочила на ноги.

– Д-да... – соврала она от растерянности. А что она должна была сказать?

Доктор Уайетт нахмурился.

– Если все хорошо, то почему вы не на работе?

– А почему вы-то здесь?

– Вы обещали, что вернетесь сегодня, но не вернулись. Я думаю, что у вас проблемы, и если вы мне их назовете, я попробую их решить.

Джинни хлопнула глазами. Это звезда сработала?

– Не думаю, что это возможно.

– Все возможно! – отрезал доктор Уайетт. Он поднялся на одну ступеньку и снова навис над ней. – Я хочу, чтобы вы вернулись на работу, мне нужно...

Она машинально уперлась ему рукой в грудь, не давая подойти ближе. Это была ошибка. Она чувствовала, как напряглись мышцы под ее ладонью. Она чувствовала тепло его тела сквозь ткань рубашки...

Мелисса все еще кричала.

– Ой, ребенок! – вскрикнула Джинни и кинулась в дом.

Сколько времени они с Робертом простояли на крыльце? Несколько секунд? Несколько минут? Четверть часа? Все это время Мелисса была одна.

К тому времени, когда Джинни вернулась в комнату, личико девочки было совсем красным, тельце напряжено, и она беспокойно поводила ручками. Это нормально? Или нет? Или что?

– Ну, прости, прости меня!

Джинни сама чуть не плакала от жалости, бессилия и чувства вины. Она подняла ребенка, стараясь придерживать его головку так, как показывала медсестра. Наверное, она держала неправильно, потому что Мелисса заплакала еще сильнее.

– Прости меня, милая, прости! Что с тобой, маленькая?

Девочка надрывалась в плаче, и Джинни тоже разревелась.

– Так, – раздался за ее спиной низкий голос, и кто-то забрал ребенка из ее рук. – Разрешите.

Джинни не понимала, что происходит.

Доктор Роберт Уайетт, звезда медицины и миллиардер, входящий в пятерку самых желанных холостяков Чикаго, человек холодный и сдержанный, взял на руки ее девочку и положил ее на пеленальный столик.

– Что у нас тут?

– Что... – Джинни несколько раз моргнула, не веря своим глазам.

Вместо ответа Роберт достал свой телефон.

– Реджинальд? Принесите мою сумку.

– Что вы делаете?

– Сколько ей? Восемь дней?

– Девять. Это дочь моей сестры, она родила в тот же вечер, когда мы с вами виделись в последний раз.

Джинни хотела все объяснить ему, но вместо этого опять расплакалась.

Роберт издал тихий гудящий звук. Мелисса посмотрела на него и вдруг умолкла.

– Какая у нее оценка по шкале Апгар³?

– Что?

Мелисса снова закричала.

– Где ее мать?

– Она... У нее был тромб...

Комок в горле не дал Джинни договорить.

Спина Роберта напряглась.

– Отец?

– Считайте, что его нет.

Он снова загудел, в этот же момент раздался звонок в дверь, и Мелисса заревела с новой силой, а Джинни захотелось лечь на пол, свернуться клубочком и сказать себе, что вся предыдущая неделя была просто жутким сном.

– Вы не слышите – в дверь звонят! – рявкнул Роберт.

Когда Джинни открыла дверь, на пороге стоял невысокий мужчина в форменной куртке с дипломатом в руках.

– Добрый день. Доктор Уайетт попросил принести...

Очумевшая Джинни выхватила у него дипломат.

– Давайте, я передам.

Мелисса все еще кричала, наверное, потому, что Роберт ее щипал.

– Что вы делаете? – взвизгнула Джинни.

– Кожа упругая, легкие хорошие, – спокойно ответил он. – Давайте сюда. Рассказывайте.

– Она все время плачет с тех пор, как я привезла ее домой, уже два дня. А я ничего не понимаю в детях.

– Понятно. В какой больнице рожала ваша сестра? Кто принимал роды?

Он достал из дипломата стетоскоп и еще что-то.

– Госпиталь Ковенант. Роды принимал... какой-то старый врач, кажется, его фамилия Престон. Я не помню, кто педиатр.

Роберт снял пиджак, закатал рукава и протер чем-то руки. Он послушал ее дыхание, осмотрел рот и ушки, надавил пальцами на животик.

³ Шкала Апгар – система быстрой оценки состояния новорожденного.

Мелисса завопила и обкакалась.

– О господи! Простите, пожалуйста!

– Как я и думал, – сказал Роберт, нимало не смутившись, и снова пощупал живот девочки. – Хм.

– Что такое? – перепугалась Джинни.

– Когда вы в последний раз ее кормили?

– Примерно сорок пять минут назад. Чуть больше пятидесяти миллилитров, – отчиталась Джинни, радуясь, что проследила за этим.

– Что она ела?

– Детскую смесь. В больнице дали. – Она даже не смогла вспомнить название.

– Несите.

Джинни побежала на кухню, схватила банку и бутылку, которую она еще не успела вымыть, и вернулась в комнату. Роберт тем временем запеленал девочку, так что теперь только личико высовывалось наружу.

– Ребенка надо пеленать, – объяснил он, и, как по волшебству, Мелисса затихла. – Ребенок привык быть в утробе матери, а там тесно и тепло.

– Я боялась, что ей будет жарко, – смущенно пролепетала Джинни.

– Можете завернуть ее в одну пеленку, но это нужно, так ей будет спокойнее. – Он ловко подхватил тугой сверток и продемонстрировал ей. – Берите ее на руки как можно чаще, и она не будет плакать. – Его губы изогнулись в едва заметной улыбке. – Что бы там ни писали в Интернете.

Она покраснела.

Роберт держал Мелиссу на руках так, будто это было самым простым и естественным делом. Его не беспокоило, правильно ли он поддерживает голову ребенка и не уронит ли он его случайно на пол – все то, что постоянно мучило Джинни. И он, похоже, не боялся, что девочка может обделать его костюм за несколько тысяч долларов. У него все выходило легко и просто. Наверное, потому, что это и было просто. Джинни почувствовала себя никчемной душой, а еще ощутила зависть и обиду.

– Вот!

Она протянула ему пачку с детским питанием. Он быстро взглянул на название и снова достал телефон.

– Реджинальд, найдите ближайший супермаркет и купите вот что...

Далее последовал длинный перечень, половину названий из которого Джинни даже никогда не слышала. Закончив отдавать распоряжения шоферу, он кивнул на коробку в ее руках.

– В этом питании есть соя. По всем симптомам, у нее непереносимость.

– Плач – это симптом?

Доктор Уайетт посмотрел на нее почти снисходительно. Почти.

– У нее расстройство желудка, и еще у нее гиперемия, то есть она красная. Я думаю, это потому, что она не переносит сою. Реджинальд принесет вам другое питание, несколько вариантов.

– Значит... с ней все в порядке?

– Нет. У нее колики и, возможно, что-то более серьезное.

У Джинни тошнота подкатила к горлу от страха.

– Что-то серьезно...

– Но я уверен, что все проблемы из-за питания.

– О... Хорошо... Это... – У Джинни от облегчения даже голова закружилась. У малышки были проблемы с желудком. Она ее не покалечила, не навредила. В конце концов, питание ей дали в госпитале. – Это хорошо, – закончила она дрожащим голосом.

Роберт пристально посмотрел на нее.

– А с вами все в порядке?

Джинни в ответ фыркнула, потом хихикнула, потом рассмеялась и уже не могла остановиться. Хохот, рыдания, слова – все изливалось единым потоком.

– Конечно нет, я похоронила сестру, у меня на руках ее ребенок, я понятия не имею, как за ним ухаживать, у меня нет денег, почему вы здесь, Роберт?!

Роберт смотрел на нее, все еще держа малышку на руках и поглаживая ее по спине круговыми движениями, отчего та издавала какие-то вполне мирные звуки.

– Вас не было в баре. Вот я и приехал.

– У меня чрезвычайная ситуация, – ответила она, широко разведя руки, наверное, чтобы показать ему и масштабы чрезвычайности, и масштабы ситуации.

– Я понимаю, – согласился он, все еще глядя на нее ледяными глазами. – Так когда вы вернетесь?

Джинни смотрела на него сквозь слезы, прикидывая, что будет с ребенком, если она сейчас убьет доктора и ее за это посадят. Вообще-то она позаботилась, чтобы Миранда могла приготовить ему его напиток: написала рецептуру, даже оставила несколько бутылок с готовым коктейлем, так что Миранде оставалось только налить его и бросить туда чертову лимонную кожуру. Даже такой требовательный человек, как Роберт Уайетт, может потерпеть несколько вечеров, пока она тут пытается склеить обломки своей жизни.

И все же...

Он осмотрел и успокоил Мелиссу, он поставил диагноз и послал шофера за новым питанием, и в эту самую секунду малышка спокойно сопит у него на руках. Впервые за неделю Джинни удалось почти – почти! – расслабиться.

– Я не знаю, – ответила она, еле шевеля губами от усталости. – Я вообще не уверена, что я вернусь. А в чем проблема?

Непробиваемого доктора Уайетта, похоже, смутил ее вопрос.

– Проблема... есть.

Исчерпывающий ответ.

– В чем?

Он несколько раз вздохнул и, наконец, сказал:

– В том, что я... У меня сегодня плохой день.

– Примите мои соболезнования. У меня сегодня плохая жизнь. – Ни один из них не улыбнулся этой шутке. – Я не знаю, что сказать. Мне надо позаботиться о Мелиссе, сейчас это моя главная задача. У нее больше никого нет. У меня тоже. Так что сначала мне надо научиться за ней ухаживать, потом подать в суд на больницу, потом найти Мелиссе ясли. Так что пока вам придется смириться с тем, что «Манхэттен» вам будет готовить кто-то другой.

– Хорошо.

– Хорошо? – недоверчиво переспросила Джинни. Что-то подозрительно легко он сдался. – Послушайте, я оставила Миранде рецепт и...

Но доктор Уайетт уже опять достал мобильник.

– Мне не нравится Миранда, – бросил он ей, прежде чем сказать в трубку: – Алло, Лэнс? Это Уайетт. У меня есть дело для тебя. Смерть при родах. Да. Пришлю всю информацию.

– Роберт? – осторожно окликнула его Джинни. Он что, только что нанял ей адвоката?

– Подождите минутку. – Он набрал другой номер. Все это время он держал Мелиссу одной рукой, и она еще никогда не вела себя так спокойно. – Келли? Мне понадобится няня на полный рабочий день, чтобы заботиться о новорожденной. Да. Пришлите мне завтра список часам к одиннадцати. Я хочу встретиться с парой из них сразу после операции.

Джинни уставилась на него, раскрыв рот.

– Итак, – повернулся к ней Роберт. – Мой адвокат подготовит ваш иск. Я думаю, до суда дело не дойдет, больница захочет уладить все по-тихому. Но он позаботится, чтобы сумма была достаточной, чтобы вам хватило на этого ребенка.

– Мелиссу, – поправила его Джинни.

– Что?

– Этого ребенка зовут Мелисса.

– Ладно.

К тому, что произошло дальше, она никак не была готова.

Доктор Роберт Уайетт опустил голову и осторожно потерся носом о пушистую макушку девочки.

А потом он улыбнулся.

Это, конечно, не была голливудская улыбка в тридцать два зуба. Это была его обычная едва уловимая улыбка. Но она окончательно потрясла Джинни. Кажется, ей сегодня вечером попалась какая-то супермогущественная звезда, потому что о таком она и мечтать не могла: доктор Роберт Уайетт стоит посреди ее спальни с ребенком на руках, решает все ее проблемы, да при этом еще и улыбается.

– Теперь насчет няни, – продолжал он. – Я планирую прислать кого-нибудь сюда завтра примерно к двум. – Он сделал такое движение, будто хотел одернуть манжеты, но обнаружил, что на руках у него младенец, да еще и рукава закатаны. – Так что надеюсь увидеть вас за стойкой в среду ровно в семь.

Джинни долго молчала, пытаясь переварить эту информацию.

– Вы не знаете, как ухаживать за младенцем, а я не хочу себе нового бармена, – объяснил Роберт. – Поэтому я нанимаю вам няню. – Он оглядел комнату. – И еще, пожалуй, горничную.

Он уже тянулся к своему телефону, когда Джинни ответила:

– Я даже не знаю, обижаться мне или благодарить?

– Благодарить, – милостиво разрешил доктор Уайетт.

– Боюсь, я не вернусь на работу в среду.

Он на секунду замер с телефоном у уха, недобро посмотрел на нее, потом сказал в трубку:

– Келли, и горничную. На три дня в неделю. Спасибо. – Затем нажал на отбой. – Что вы имеете в виду?

Она встала, стараясь не замечать дрожь в коленях.

– Доктор Уайетт! Роберт! – сказала она срывающимся голосом. – Мне жаль, что у вас плохой день, и я действительно очень ценю, что вы готовы потратить кучу денег на решение моих проблем, но я не знаю, смогу ли я вернуться на работу на этой неделе. И на следующей тоже.

– Почему? – Его голос был настолько холодным, что она вздрогнула. – Что еще вас удерживает?

Все три года она убеждала себя в том, что у доктора Роберта Уайетта есть сердце. Похоже, она ошибалась.

– У меня! Умерла! Сестра!

Глава 4

Джинни накричала на него? Что ж... Это даже интересно.

На него редко кричали, и Роберт с любопытством проследил за реакцией своего организма – тело напряглось, позвоночник выпрямился, лицо застыло.

Умом он понимал, как тяжело сейчас Джинни. Но что он мог ей сейчас сказать, кроме банальных соболезнований? Он уже предпринял все практические шаги, какие требовались в этой ситуации. Но даже он сам чувствовал, что этого недостаточно. Джинни не была родственницей пациента. Она была... Ну, он не мог сказать, что она была его другом. Она была просто...

Когда машина въехала в переулок и Роберт увидел ее, сидящую на крыльце крохотного домишки, ему показалось, что она ждет там именно его.

Роберт еще раз посмотрел на нее и решил, что сейчас она вряд ли способна нормально воспринять какие-либо практические предложения или дежурные проявления сочувствия и вообще что бы то ни было. Джинни была бледной, с темными кругами под глазами, растрепанными волосами, в заляпанной растянутой футболке, съехавшей с одного плеча и открывавшей голубую бретельку бюстгалтера.

Он заставил себя отвести глаза. Он был взрослым мужчиной, и его не смущал вид женской наготы, но почему-то знать цвет ее нижнего белья показалось Роберту слишком... интимным.

Это была совершенно неуместная реакция, в особенности сейчас, когда она сидела на краешке стула и тихо плакала. Ему было больно видеть ее такой и понимать, что, несмотря на все его деньги и власть, он ничем не может ей помочь. А хуже всего ему было от мысли, что, по сути, он ничего для нее не сделал. Адвокаты, няня, горничная – все это он делал не для нее, а для себя. Чем больше он поддержит Джинни, тем раньше она вернется на работу и тем скорее его мир начнет вставать на привычные рельсы.

Джинни вытерла слезы ладонью.

– Извините, – пробормотала она.

– За что?

Она шмыгнула носом.

– Я не хотела кричать на вас. Вы же не виноваты, что все летит к черту. Наоборот, вы хотите мне помочь.

Роберт смутился.

«Скажи что-нибудь. Что-то доброе, мудрое, уместное. Что-то, что поставит все на свои места».

В дверь позвонили.

– Это Реджинальд.

Проклиная себя за трусость, Роберт рванул к дверям.

– Я купил все, кроме питания «Энфамиль», – сказал Реджинальд, внося в дом дюжину пакетов из супермаркета.

– Запиши, отправим завтра со всем остальным. А это чем пахнет? – спросил он, уловив горячий аппетитный аромат.

– Я подумал, что юная леди, наверное, проголодалась, и купил ей курицу на ужин, – ответил шофер, кивая на Джинни, которая стояла в коридоре с выражением полной растерянности на лице. – Когда на руках такая малютка, времени приготовить что-то для себя совсем не остается.

– Я... Это очень мило с вашей стороны. Я, кажется, еще не ела сегодня.

Роберта вдруг накрыла волна странной ревности. Реджинальду, в отличие от него, не надо напрягаться, чтобы сказать «что-то доброе, мудрое, уместное». Он был женат уже сорок

лет, у него было четверо детей и недавно родился внук. Если Роберту стоило поучиться у кого-то простому человеческому сочувствию, то именно у него.

Но затем в разум Роберта вторгся голос Лэндона: «Уайетты никогда не оглядываются на других!»

Правильно. Реджинальд всего лишь слуга. Роберт платит ему хорошую зарплату, так что ему положено быть любезным, внимательным и чутким – за такие-то деньги! Роберту просто не пришло в голову, что, возможно, она сегодня не ела.

Реджинальд мягко улыбнулся Джинни:

– Где положить продукты?

– Кухня там. Спасибо вам огромное.

Роберт опустил глаза, когда она проходила мимо него. Он увидел, что Мелисса уснула, и это был хороший знак. Он пошел в детскую и положил ребенка в кроватку. Малышка захныкала, но сразу снова затихла.

Роберт нахмурился. В кроватке лежало пушистое одеяло и две мягкие игрушки. Она с ума сошла, хочет, чтобы ребенок задохнулся? Кажется, Джинни действительно ничего не понимает.

Может, не надо откладывать до завтра, а нанять какую-нибудь няню с хорошими рекомендациями прямо сейчас?

Или остаться здесь самому?

Но этот вариант он сразу отменил. У него завтра операция, а это значит, что ему надо быть в госпитале в шесть часов утра. Он не может рисковать чужой жизнью.

Ребенок (Мелисса, раз уж Джинни настаивает, чтобы он называл ее по имени) вздохнула во сне. Роберт редко интересовался именами своих пациентов, потому что к детям и так слишком быстро привязываешься, а он не рисковал привязываться к кому-то, кто может не прожить и недели. Но Мелисса не была его пациенткой. Это был прекрасный здоровый младенец, которому просто нужна была другая смесь. Роберт не мог вспомнить, когда он последний раз держал на руках здорового ребенка.

– Спокойной ночи, сладких снов, – прошептал он малышке.

Когда он вернулся в гостиную (по пути отметив, что дом у Джинни размером с обувную коробку), Реджинальд стоял у входной двери вместе с Джинни, которая держала в руках кошелек.

– Еще раз спасибо вам большое! Сколько я вам должна?

Шофер бросил на Роберта вопросительный взгляд.

– Спасибо, Реджинальд, можете идти, – сказал ему Роберт.

Тот слегка коснулся пальцами фирменной фуражки.

– Мисс, мне было приятно услужить вам.

И вышел за дверь раньше, чем Джинни смогла возразить.

В доме стало тихо.

Ни детского плача, ни говорливых водителей. Только Роберт и Джинни и неловкое молчание.

– Я бы порекомендовал перевести ребенка – прости, Мелиссу – на то питание, что купил Реджинальд, – подал голос Роберт. – Там нет сои.

Джинни молча кивнула.

– Нужно еще пару дней, чтобы у нее наладилось пищеварение, так что не пугайся. Но если ей станет хуже, позвони мне.

– Роберт...

– Няня должна быть здесь завтра не позже двух, – быстро сказал он, опасаясь того, что он может сказать. Или не сказать. – Она объяснит тебе все, что нужно. И не клади мягкие игрушки в кроватку.

Она подняла голову и посмотрела на Роберта так, будто видит его впервые в жизни.

– Роберт...

Но он не готов был сейчас объясняться с ней.

– Тебе еще что-нибудь нужно? Деньги? Тебе есть на что жить, пока Лэнс не выдлит госпиталь?

– Стоп, – сказала она, не повышая голос, но Роберт все-таки остановился.

Он сам не знал почему. Ему даже показалось, что он нервничает. Эта мысль позабавила его, потому что вообще-то нервы у него были как канаты. «Уайетты – скала», как говаривал его отец. А он, как ни крути, Уайетт.

Джинни провела руками по волосам, выпрямилась, затем повернулась и пошла на кухню. Потом снова повернулась и пошла обратно.

– Роберт... – тихо сказала она.

– Я уложил Мелиссу, она спит.

– Почему вы это делаете?

Что он мог сказать? Она была нужна ему. У нее были проблемы, которые мешали ей быть там, где ему нужно, поэтому он пришел сюда и решил эти проблемы.

– Я хочу, чтобы ты вернулась.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Послушайте, Миранда – хороший бармен, она вполне способна смешать вам ваш коктейль. И я оставила ей несколько бутылок готового. Не беспокойтесь, он от этого только лучше – из-за гомогенизации, но это не важно...

– Мне не нравится Миранда, – повторил Роберт.

Джинни нахмурилась.

– А в чем проблема?

Она стояла слишком близко. Он мог чувствовать кислый запах молочной смеси, которой была запачкана ее рубашка, и рассмотреть покрасневшие от слез веки. Но сейчас он видел и то, чего не разглядеть в полутьме «Трентона», – ее короткие темные волосы отливали рыжиной, а в карих радужках глаз были зеленые и золотые крапинки.

– С ней не поговоришь, – сказал он наконец.

– Роберт, мы с вами тоже не разговариваем, – ответила Джинни немного раздраженно. – Я имею в виду, вы никогда ни с кем не разговариваете.

– Да о чем с ними разговаривать! – в свою очередь вспыхнул Роберт. – Люди смотрят на меня, и о чем они думают? Прикидывают, сколько денег смогут у меня вытянуть, и что им придется для этого сделать. Твоя Миранда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.